Камардин Игорь Николаевич

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА "ВОЕННОГО КОММУНИЗМА" В ДЕЙСТВИИ: УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ РАБОЧИХ ПОВОЛЖЬЯ В 1919-1920 ГОДАХ

В статье рассматривается уровень доходов рабочих Поволжья, сложившийся в ходе воплощения в жизнь большевистской политики "военного коммунизма". Основное внимание в статье уделяется соотношению заработной платы, продовольственного пайка и цен на вольном рынке региона. В статье делается вывод о росте масштабов социального протеста на основе ухудшения материального положения рабочих.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 89-93. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ART NOUVEAU AND MODERNISM: WAYS AND TRAJECTORIES OF FORMATION IN EUROPEAN AND RUSSIAN CULTURES

Liliya Ivanovna Kabanova, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Petrozavodsk State University
Lila31@yandex.ru

The author analyzes the history and theoretical content of the notions “art nouveau” and “modernism” in European and Russian cultures, reveals the peculiarities of European art nouveau epoch and cultural modernism closely connected with it and analyzes “Russian modernism” phenomenon and its characteristic features.

Key words and phrases: art nouveau; cultural modernism; Russian modernism; Frankfurt school of neo-Kantianism; Russian metaphysics.

УДК 94(47)084.3

В статье рассматривается уровень доходов рабочих Поволжья, сложившийся в ходе воплощения в жизнь большевистской политики «военного коммунизма». Основное внимание в статье уделяется соотношению заработной платы, продовольственного пайка и цен на вольном рынке региона. В статье делается вывод о росте масштабов социального протеста на основе ухудшения материального положения рабочих.

Ключевые слова и фразы: заработная плата; голод; цена; продовольственный паек; калории; ржаная мука; продукты питания; Гражданская война.

Игорь Николаевич Камардин, к.и.н., доцент
Кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал)
Пензенского государственного университета
sehd@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» В ДЕЙСТВИИ: УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ РАБОЧИХ ПОВОЛЖЬЯ В 1919-1920 ГОДАХ©

Провозглашенный большевиками лозунг «Хлеб – голодным!» в первые годы Советской власти реализовать не удалось. Недоедание, а в отдельные периоды просто голод стали приметами этого времени. В Народный Комиссариат продовольствия РСФСР поступали телеграммы и письма с просьбами о высылке продовольствия. Так, весной 1918 года из Нижнего Новгорода поступила телеграмма с просьбой немедленно отправить маршрутными поездами хлеб для судовых команд: «Нужда крайняя, запас хлеба весь истощился. Команды волнуются. Неполучение хлеба принудит команды оставить суда. Последнее грозит расстройством транспорта» [13, с. 24]. В Симбирске «на почве реквизиции хлеба на рынке толпа жестоко избила уполномоченного продовольственного комитета» [12, с. 45]. В крупных городах Поволжья в первые месяцы 1918 г. прошли голодные бунты [31, с. 122].

Ситуация с продовольственным дефицитом в городах во многом была обусловлена введением большевиками монополии на продажу хлеба. 27 января (9 февраля) 1918 года ВЦИК утвердил «Основной закон о социализации земли». Статья 19 закона гласила: «Торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией» [21]. Впоследствии монополизация была распространена на все товары первой необходимости. После этого постановления частникам запрещалось продавать хлеб и, соответственно, устанавливался контроль за передвижением продуктов питания по дорогам страны. По официальным данным, за первую половину года только в Нижегородской губернии было реквизировано 20 906 пудов ржи, пшеницы, муки, пшена, круп, овса [13, с. 90]. В результате крупные партии продовольствия были распылены на миллионы мешков.

В 1918 году предпринимались попытки увеличить заработную плату рабочих, тем самым поднять хоть как-то их материальное благосостояние. Закон, утвержденный 1 сентября 1918 года, предусматривал установление минимальной заработной платы взрослому работнику в размере 15 рублей 60 копеек в день для города Москвы. Процентное соотношение в тарифных ставках промышленных и сельскохозяйственных губерний варьировалось по мере изменения экономического положения в этих губерниях. На местах, как правило, в основу разработки тарифных сеток брались ставки рабочих-металлистов. В городах Поволжья тарифный пояс устанавливался в 80% от московского, а на территории губерний – 65% [7, с. 344]. В результате

© Камардин И. Н., 2011

средний месячный заработок в Пензенской губернии составил 301 рубль [32, с. 71]. В 1918 году рабочий на свой заработок мог приобрести на рынке в пять раз меньше продуктов, чем в 1913 году, хотя в номинальном выражении заработок был в 15 раз выше зарплаты 1913 года [14, с. 364]. Отмечая значительное ухудшение материального положения рабочих к середине 1918 года, нарком труда В. П. Ногин подчеркивал: «...надо совершенно определенно и ясно сказать, что это ухудшение произошло за последнее время, т.е. тогда, когда политическая власть была в руках рабочих» [23, д. 91, л. 136 об.].

Увеличение зарплаты в условиях монополизации рынка стало приводить к дефицитам продуктов питания, особенно это проявилось в так называемых не «производящих» губерниях. Во второй половине 1918 года в Нижнем Новгороде у продовольственных лавок стали скапливаться большие очереди. Власти города вынуждены были установить нормы отпуска продуктов питания: хлеба – 200 г. в день, мяса – 1200 г. в неделю, картофеля – 1100 г. в день, крупы – 85 г., пшена – 51 г., масла – 13 г., сахара – 400 г. в месяц, чая – 25 г. в день. В нижегородской прессе отмечалось: «Город переживает голод. В рабочих кварталах на каждом шагу встречаются голодные лица рабочих, от голода падают у станков. Царь голод ежедневно стучится в двери рабочего люда и уносит в могилы сотни умирающих и истощенных людей» [19].

Попытки поднять доходы рабочих предпринимались и позднее. В феврале 1919 года власти вновь повысили заработную плату рабочим. Новый всероссийский тариф предусматривал минимум зарплаты для рабочих в 600 руб. и максимум в 1150 руб. в месяц. В зависимости от основных видов труда тариф делился на три части, каждая из которых состояла из 12 разрядов. Внутри каждой части минимальная ставка зарплаты относилась к максимальной как 1:1,75. Новая тарифная реформа не смогла обеспечить рабочим нормального существования, несмотря на то, что номинальная заработная плата в результате реформы по стране выросла в 2,3 раза. Жесткая централизованная система тарифов, имевшая благую цель выровнять материальное положение рабочих и служащих различных производств, соблюсти социальную справедливость, на деле привела к обратным результатам, образовался «нелегальный мир тарифов» [24, д. 5, л. 7]. В результате фактическое соотношение оплаты рабочих и специалистов составило не 1:4, как планировалось, а, по «скромным подсчетам, 1:7» [10, с. 57]. Обычным делом стали ссуды и авансы на заготовку ненормированных продуктов, приписка сверхурочных часов, что, по мнению В. Шмидта, вело к ломке тарифов и ставило результаты двухлетней тарифной работы профсоюзов «под угрозу полного уничтожения» [24, д. 1, л. 1]. Тарифы пересматривались, и денежная часть зарплаты сравнительно быстро росла. С января по декабрь 1919 года средняя зарплата рабочих по стране увеличилась с 611 руб. в месяц до 1465 руб. [9, с. 5]. Однако цены на рынке росли еще быстрее, и на заработанные деньги рабочие могли купить мизерное количество продуктов. Так, на Пензенском Госзнаке в конце 1919 г. средняя зарплата рабочего составляла 980 рублей. На тысячу рублей в то время можно было приобрести всего лишь один кубометр дров [9].

Выходом из сложившейся ситуации стала натурализация зарплаты рабочих. В феврале 1919 г. ВЦСПС поставил перед профсоюзами задачу увеличения натуральной части зарплаты путем усиленного питания рабочих, облегчения квартирного положения и обеспечения одеждой и обувью [20, с. 65]. Это постановление активно выполнялось в Поволжье. Пайки, которые вводились еще в 1918 году, получили широкое распространение как форма государственного снабжения, не связанная с производительностью труда. Паек теперь стал составлять реальное содержание заработной платы рабочих. Его размер, как правило, зависел от принадлежности рабочего к определенной группе предприятий [11, с. 54]. В Самаре к частичной натурализации зарплаты приступили в марте 1919 года. В конце августа 1919 года городская конференция РКП(б) в резолюции по докладу о тарифной политике провозгласила: «Принимая во внимание общехозяйственные трудности, повышение тарифных ставок не является выходом из тяжелого положения. Важно осуществить переход к натуральной зарплате» [10, с. 177].

13 апреля 1919 года ЦК РКП(б) принял решение ввести единый классовый паек и уравнять распределение продуктов между служащими и рабочими, а также уничтожить привилегированное положение советских служащих по сравнению с рабочими [12]. К декабрю 1919 г. было шесть видов продовольственного снабжения рабочих и служащих [16, с. 129]. Однако в Поволжье при недостатке продовольственных ресурсов полное осуществление распоряжения оказалось невозможным.

Бюджетные обследования той поры дают некоторое представление о способах приобретения продуктов питания рабочими. Как показывает Таблица 1, снабжение рабочих по карточкам носило сезонный характер. В весенние месяцы жители Поволжья значительно меньше получали хлеб. Так, в марте 1919 года жители Симбирска хлеба в органах госторговли получали менее 50%, в то же время в июле обеспеченность хлебом вырастала до 96%. Обратная пропорция наблюдалась в снабжении рабочих мукой. В марте больше выдавалось муки, а в июле – хлеба. Средняя обеспеченность рабочих в государственных лавках вне зависимости от времени года составляла всего лишь 50% от нормы. Рабочие по сравнению с другими категориями населения меньше пользовались услугами рынка с так называемыми вольными ценами. Это можно объяснить распространенным среди рабочих мешочничеством, воровством, а также изготовлением в рабочее время и из казенного сырья продукции для продажи на рынке. Так что усредненные данные, скорее, искажают ситуацию с потреблением, чем реально показывают ее. Если тот или иной продукт не выдавали по карточкам, его, естественно, приобретали на рынке по высокой цене.

Таблица 1.

Доля продуктов, получаемых по карточкам в советских и кооперативных лавках по твёрдым ценам рабочими весной 1919 г. (%) [29]

Города	Хлеб		Мука		Картофель	
	март	июль	март	июль	март	июль
Нижний Новгород	44,2	5,9	71,9	22,4	7,6	-
Пенза	19,4	36,2	81,8	16,1	0,6	-
Саратов	75,2	72	46,2	1	1,7	-
Самара	13	58,4	97,5	33	1,2	-
Симбирск	49,2	95,8	47,3	44,9	5,1	-
РСФСР	54,7	56	49,6	21,9	11,5	-

Введя продовольственную диктатуру, государство тем самым взяло на себя обязательство по продовольственному снабжению жителей городов. Однако, как видно из таблицы, рабочие Поволжья весной 1919 года получали явно недостаточно продуктов питания через систему государственного снабжения. Обеспеченность хлебом не поднималась свыше 75%, картофелем – 8%.

Неустойчивое экономическое положение заставляло рабочих самостоятельно отправляться на заготовку продуктов. В сводках Пензенского ВЧК за 1919 год отмечалось, что спекуляцией занимаются не только крестьяне, но и рабочие, доставляя продукты по более низким ценам во время служебных командировок [17]. Так, в информационной сводке Пензенской губчека отмечалось: «Служащие и рабочие берут отпуска и во время отпусков отправляются в деревню в качестве поденных рабочих, где работают у крестьян на полях и ежедневно зарабатывают больше, чем получают жалованья за месяц, получают за свою работу плату мукой и прочими продуктами» [1, с. 24].

В 1920 году зарплата рабочих еще немного увеличилась. Денежная составляющая оплаты рабочих в Пензенской губернии в течение 1920 года увеличилась в среднем в 2,5 раза и составила в среднем за год 3111 рублей [26, с. 327]. Следует обратить внимание, что заработная плата постоянно росла, несмотря на принятые тарифы. С января по декабрь зарплата рабочих выросла почти в четыре раза. В то же время, как показывают статистические данные, цены на ржаную муку за тот же период выросли в восемь раз [27, с. 361]. Следует обратить внимание, что рост цен продолжился. В первом квартале 1921 года цены выросли в 7,3 раза, в то же время доход рабочих за этот же период понизился на 17%, что вызвало социальную напряженность и рост конфликтов на производстве.

В архивных документах сохранились сведения о ценах на продукты питания в Царицыне. Так, в марте 1921 года в Царицыне фунт топленого молока стоил 850 рублей, фунт сметаны – 450 рублей, масло сливочное – 880 руб., мясо – 100 руб., селедка – 80 руб., яблоки – 600, чай – 200 руб., спичечная коробка – 180 руб. [4, д. 93, л. 20]. При средней зарплате рабочего в 1000 рублей в месяц можно было купить всего лишь 4 кг мяса или 1 кг сметаны. Поэтому говорить о данной зарплате как о стимуле к трудовой деятельности не представляется возможным.

По данным обследования, проведенного в Самаре, на каждого члена семьи приходилось в среднем по 156 руб. При этом на питание уходило 94,5%, а остальные расходы покрывались за счет сбережений, займов или случайных доходов [5, д. 10, л. 7]. В сводках Самарской ЧК отмечалось, что в очередях нередко слышались разговоры: «Норма муки 15 фунтов в месяц, а у спекулянтов она стоит 1500 руб. Как жить при таких условиях жизни? Мы, например, часто бросаем работу и идем в деревню за хлебом» [25, д. 166, л. 11].

Симбирский губсовпроф, обследовав летом 1919 года продовольственное положение на Гурьевской суконной фабрике, констатировал: «Рабочие находятся в самом угнетенном и жалком состоянии, получая самое ничтожное количество хлеба, они вынуждены были для утоления своего голода и для спасения себя и своей семьи от голодной смерти продавать за бесценок все необходимые пожитки, приобретенные большим трудом, и покупать хлеб, который из частных спекулятивных рук обходится в 10 раз дороже» [6, д. 26, л. 16].

Характерной чертой в питании городского населения в рассматриваемый период было широкое использование суррогатов. Нормальный, чистый пшеничный или ржаной хлеб практически вышел из употребления. Уже в 1918 году в печеный хлеб чаще всего добавлялись различные примеси или суррогаты. Практически весь хлеб, выдаваемый по карточкам, был с различными примесями, и это не обязательно могли быть пайки. Впрочем, суррогатным был не только хлеб, а практически все традиционные продукты питания [15, с. XIII].

В целом деньги перестали играть роль стимулятора трудовой и хозяйственной деятельности. Они становились анахронизмом, осколком старой экономической жизни. Процесс постепенной ликвидации денег как средства обращения и платежа был в том числе и причиной глубочайшего экономического кризиса в стране. Уже в начале 1921 года, несмотря на значительные суммы зарплаты – десятки и сотни тысяч, суммы эти ничего и никого не обеспечивали. Произошла натурализация заработной платы, прежде всего, за счет пайкового

снабжения, хотя оно было ближе к социальному обеспечению, чем к заработной плате. Зарплата перестала играть роль мерила труда, его качества и количества.

Статистика той поры позволяет проследить калорийность среднего суточного питания взрослого рабочего. По данным физиологов, физиологический минимум, т.е. затраты энергии только на поддержание жизнедеятельности организма без работы, составлял 2300 калорий в сутки. При легкой работе рабочему среднего телосложения было необходимо получать не менее 2600 калорий ежесуточно, при средней – до 3100, а при тяжелой – не менее 3600 [30, с. 9-10]. Таблица 2 иллюстрирует, как менялось суточное потребление калорий в Поволжье. В марте-апреле 1918 года на одного взрослого человека в рабочей семье приходилось в среднем по РСФСР 2434 калории, в Симбирске – 3285 калорий, в Пензе – 3185 калорий, в Самаре – 3137 калорий [32, с. 75].

Таблица 2.

Суточное потребление калорий в Пензе, Самаре, Симбирске и Москве в 1918-1925 гг. [28, с. 165]

Города	**1918 г.**	**1919 г.**	**1920 г.**	**1921 г.**
Пенза	3185	2262	2871	2700
Самара	3137	2562	2980	2093
Симбирск	3285	3185	2609	2032
Нижний Новгород	-	2066	2600	2508
Саратов	-	3285	2275	2605
Москва	2434	2639	3430	2760

В Москве в 1919 году рабочий по карточкам получал паек в 2639 калорий, тогда как суточная физиологическая норма составляла 3600 [3, с. 270-271]. Повсеместно нормы были таковы, что сколько-нибудь напряженно трудиться рабочий не мог. Обнищание рабочего класса, голод в пролетарской среде стали питательной почвой для различного рода конфликтов. По свидетельству А. Коллонтай, голодный паек вызывал у рабочего, особенно женщин, чувство отчаяния и безысходности [22]. Но в то же время необходимо обратить внимание на то, что рабочие городов Поволжья питались лучше, чем в Центрально-промышленном районе. В Пензенской губ. население в среднем потребляло 2262 калорий, в Самарской – 2562 кал., в Симбирской – 2327 кал., в Саратовской – 2700 кал., в Нижнем Новгороде – 2066 кал. Лучшее питание было связано, прежде всего, с земледельческой специализацией региона и связью рабочих с деревней. Снабжение рабочих Поволжья в отличие от центрального района во многом осуществлялось путем индивидуальных походов в деревню. Если в 1919 году в Москве рабочие ежедневно употребляли в пищу 0,231 фунта ржаной муки, то в Пензе – 0,994, в Симбирске – 0,794 [29, с. 103].

В 1920 году в связи с неурожаем в Поволжье и вывозом продуктов в центральные районы питание рабочих региона резко ухудшилось. Если в мае 1920 года среднее дневное потребление продуктов на душу населения в Пензенской губ. составило 2752 кал., то в ноябре – 2563 кал. [26, с. 694-695]. К осени 1920 года произошли заметные изменения в рационе рабочего: в 3 раза снизилось употребление крупы, в 4,5 раза – растительных продуктов. Структура потребления изменилась в сторону увеличения потребления соли на 6-7%, а картофеля – на 50%. Спрос же на остальные продукты сократился: на печеный хлеб – приблизительно на 25%, на крупу – на 65%, на мясо и жиры – на 80% и на сахар – на 70% [2, с. 49]. В 1920 году питание населения Поволжья упало по сравнению с предыдущим годом в среднем на 500 калорий. В наиболее трудном положении оказались саратовские и нижегородские рабочие.

Естественно, качество питания зависело и от случайных факторов, в том числе и от расторопности тех, кто добывал себе пищу. Преимущества по снабжению имели удачливые спекулянты – выходцы из всех классов и социальных групп. Данные статистики о питании рабочих вообще и о потреблении отдельных продуктов в частности отражают лишь самую общую картину, в реальной жизни все было сложнее и многообразнее. Иногда малоквалифицированный рабочий, набивший руку на поездках за хлебом (мешочник), был на порядок лучше обеспечен продовольствием (и не только), чем самый квалифицированный рабочий или чиновник высокого ранга. Это имело своим последствием не только некоторое улучшение питания, но и развал промышленности. Тяжелое материальное положение негативным образом сказывалась на сознании людей, на их отношении к труду, да и к власти.

Сравнивая свое дореволюционное и послереволюционное положение, многие возмущались: «За что боролись?». Голод и лишения изменили психологию людей, всемерно стимулировали такие пороки, как воровство, стяжательство, стремление поработать поменьше, а получить побольше, спекуляцию и т.д. Голод приводил к активному социальному протесту. Ввиду того, что люди в эти годы были постоянно вынуждены искать пропитание, бороться за выживание, ловчить, изворачиваться любыми путями, происходила деградация психологии человека.

Неумение быстро реагировать в крайне тяжелых условиях на запросы масс привело к перерастанию экономического кризиса в политический. Забастовки рабочих на почве бедственного существования стали обыденным явлением. Анализируя сложившуюся обстановку внутри страны, Ленин очень четко охарактеризовал причины возникновения рабочих выступлений: «Когда рабочие эту материально-производственную базу из-под ног теряют, тогда состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает массами…» [18, с. 282]. В этих условиях большевики решились на изменение политического и экономического курса.

Список литературы

1. **Борисова Л. В.** Трудовые отношения в Советской России: 1918-1924 гг. М.: Собрание, 2006. 288 с.
2. **Вайсберг Р.** Деньги и цены. М., 1925. 136 с.
3. **Гимпельсон С. Г.** Советский рабочий класс: социально-политические изменения 1918-1920 гг. М., 1974. 276 с.
4. **Государственный архив Волгоградской области** (ГАВО). Ф. Р. 342. Оп. 1.
5. **Государственный архив Самарской области** (ГАСО). Ф. Р. 818. Оп. 1.
6. **Государственный архив Ульяновской области** (ГАУО). Ф. Р. 696. Оп. 1.
7. **Декреты Советской власти.** М., 1964. Т. 3. 536 с.
8. **Там же.** М., 1968. Т. 4. 498 с.
9. **Денежная Пенза** // Улица Московская. 2008. 6 июня.
10. **Известия Народного Комиссариата Просвещения.** 1918. № 4-5.
11. **Известия Симбирского Совета рабочих, крестьянских депутатов.** 1918. № 221.
12. **Известия ЦК КПСС.** 1989. № 12.
13. **Ильюхов А. А.** Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007. 264 с.
14. **История советского рабочего класса.** М., 1984. Т. 1. 473 с.
15. **Кабо Р.** Потребление городского населения России. М., 1918. 125 с.
16. **Киселев А. Ф.** Профсоюзы и Советское государство: 1917-1920 гг. М., 1991. 324 с.
17. **Кондрашин В. В.** Информационные материалы Пензенского губчека о своей деятельности и положении Пензенской губернии в годы Гражданской войны // 80 лет от ВЧК до ФСБ. Пенза, 1998. С. 116-123.
18. **Ленин В. И.** IV Всемирному конгрессу Коминтерна, Петроградскому совету рабочих и красноармейских депутатов // Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 45.
19. **Нижегородская коммуна.** 1918. 5 ноября.
20. **Отчет ВЦСПС за 1919 г.** М., 1920. 126 с.
21. **Подколзин А. М.** К вопросу о продовольственном положении Советской Республики в 1918 г. // Вопросы политической экономии. 1958. № 2. С. 290-296.
22. **Правда.** 1919. 3 октября.
23. **Российский государственный архив социально-политической истории** (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22.
24. **Там же.** Ф. 95. Оп. 1.
25. **Самарский областной государственный архив социально-политической истории** (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1.
26. **Сборник статистических сведений по Пензенской губернии.** Пенза, 1927. 624 с.
27. **Состояние питания городского населения СССР: 1919-1924 гг.** М., 1926. 358 с.
28. **Статистический ежегодник: 1918-1919 гг.** М., 1921. Вып. 1. Разд. VII.
29. **Струмилин С. Г.** Наемный труд в России и на Западе. М., 1927. Кн. 1. 342 с.
30. **Струмилин С. Г.** Питание петроградских рабочих в 1918 г. // Новый путь. 1919. № 4-5.
31. **Чуканов И. А.** Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд. М., 2001. 278 с.
32. **Шарошкин Н. А.** Материальное положение и быт рабочих Поволжья в первые годы Советской власти // Поволжский край. Саратов, 1988. Вып. 10. 320 с.

ECONOMIC POLICY OF “MILITARY COMMUNISM” AFOOT: VOLGA REGION WORKERS’ WELFARE LEVEL IN 1919-1920

Igor' Nikolaevich Kamardin, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Social-Economic and Classical Disciplines
Kuznetsk Institute of Information and Managerial Technologies (Branch) of Penza State University
sehd@mail.ru

The author considers Volga region workers’ income level during the realization of the Bolshevist policy of “military communism”, pays special attention to the correlation of wage, food ration and open market prices in the region and makes the conclusion about the increase of social protest scales on the basis of the workers’ economic conditions worsening.

Key words and phrases: wage; famine; price; food ration; calories; rye flour; staple foods; Civil War.